

УДК 81'282.2/37 (470.53)

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ *ЗНАЮЩИЙ* В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ¹

Юлия Анатольевна Шкураток

аспирант кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. shkuratok@mail.ru

Статья затрагивает проблему разграничения колдунов, знахарей, ведьм и подобных персонажей в научной литературе, а также семантического наполнения часто используемых исследователями для снятия оппозиции «колдун – знахарь» диалектных слов – субстантивированных причастий и прилагательных *знающий*, *знающий*, словосочетаний *знающий человек* (*бабушка* и т.п.). В говорах Пермского края семантика этих единиц очень неопределенна, амбивалентна; *знающим* в подобной системе может быть практически любой человек, обладающий большими, чем говорящий, знаниями. Семантика рассматриваемых единиц отражает базовую для традиционной культуры оппозицию «свой – чужой».

Ключевые слова: русские говоры Пермского края; магическая лексика; семантика; колдуны; знахари.

В сознании современного человека *колдун* – ‘человек, занимающийся колдовством; волшебник, чародей, ведун’ – и *знахарь* ‘целитель, врачеватель, использующий наряду со средствами народной медицины также энергетическое воздействие, магические, колдовские приемы, заговоры и т.п.’ [БАС 8: 219; 6: 778] – противопоставлены по направлению колдовского воздействия – отрицательного или положительного. При обращении к мифологическим рассказам границы между ними стираются: и то и другое лицо могут как причинять вред, так и избавлять от этого вреда.

В фольклористике за более чем двухсотлетнюю историю сложилось несколько подходов к разграничению колдунов, ведьм, знахарей, лекарей и провидцев. Начало первой традиции было положено еще словарем М.Чулкова «Абевега русских суеверий» [Чулков 1786], где описываются ведьмы (а также сближаемые с ними оборотни) в одной статье и «ворожеи, колдуны, чернокнижники, чародеи, волхвы и кудесники» в другой; знахари не выделяются. Подобное разграничение, как правило, принято и в современной науке – в составленных по персонажному принципу сборниках мифологической прозы и в некоторых словарях. Т.Н.Новичкова в «Русском демонологическом словаре» выделяет следующие персонажи: *ведьма* (*бесиха*, *бесовка*, *ведунья*, *вещица*, *вещунья*; в мужском роде *ведьмак*,

ведун, *вещун*) – «особая категория людей, состоящих в родстве или договоре с нечистой силой, которая наделяет их сверхъестественными способностями и выполняет разные поручения»; *колдуны* и *колдуньи* (*волховники*, *волховницы*, *ворожеи*, *еретики*, *обавники*, *опасные*, *порченники*, *чаровники*, *чародеи*, *чернокнижники*): «в отличие от ведьм и ведьмаков, колдуны не находятся в родстве с нечистой силой, не имеют хвостов, свой дар получают по собственному решению или, в детском возрасте, по неопытности» [Новичкова 1995: 64; 243]. Знахари в «Русском демонологическом словаре» не выделены.

Словарь М.Н.Власовой уже самим названием «Новая АБЕВЕГА русских суеверий» [Власова 1995] отсылает к традиции М.Чулкова. Она посвящает отдельные статьи *ведьме* (*ведема*, *ведьмица*, *ведунья*, *вещица*, *ворожея*, *колдунья*, *чародейка*) – «женщина, наделенная колдовскими способностями от природы или научившаяся колдовать. В сущности, само название «ведьма» характеризует ее как “ведающую, обладающую особыми знаниями” (“ведьмачить, ведьмовать” – значит “колдовать, ворожить”)). Ведьмы и колдуньи – существа одновременно и реальные (обычные крестьянки), и наделенные сверхъестественными способностями. *Колдуны*, по ее мнению, встречаются в деревнях не так часто, как знахарки и ведьмы, и воспринимаются как старшие, «сильные» чародеи. Колдуны бывают «при-

родные» (у них есть маленький хвостик) и «ученые» (перенявшие колдовские знания). Отдельно выделены колдуны-знахари, более специализирующиеся на лечении людей и скота. *Знахарь* и *знахарка* трактуются в словаре М.Н.Власовой как «лекарь-колдун» и «лекарка-колдунья» соответственно. Также в словаре упомянуты термины *знат*, *знатец*, *знатка*, *знаткий*, *знаткой*, *знатливый*, *знатник*, *знаток*, определяемые как «колдун, ведун; знахарь», *знатка*, *знаткая* – «колдунья, знахарка» [Власова 1995: 69–78; 180–187].

Энциклопедия «Мифы народов мира» вообще оставляет колдунов и знахарей за пределами мифологического: в ней присутствует только словарная статья «Ведьмы», которые определяются как колдуньи, в низшей мифологии и народных верованиях женщины, вступившие в союз с дьяволом ради обретения сверхъестественных способностей [Юдин 1980: 226].

В ряде работ персонажи *знахарь*, *колдун* и *ведьма* четко разграничиваются. Этот подход характерен для ранней работы (1903 г.) С.В.Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», где выделяются главы «Колдун-чародей», «Ведьма», «Знахарь-шептун». Автор оговаривается, что «в деревенском быту продолжают смешивать знахарей и ворожбитов, знахарок и ворожей с чародеями, т.е. колдунами и колдуньями», хотя между ними есть и отличия: колдуны скрывают свое дело, знахари «работают в открытую и без креста и молитвы не приступают к делу: даже целебные заговоры их в основе своей состоят из молитвенных обращений к Богу и св. угодникам как целителям» [Максимов 1903: 173].

Еще более четко отделяет знахарей от людей, обладающих демоническими свойствами, Н.М.Васнецов: «Знахарь – ворожец и лекарь. Он лечит нашептыванием и “снадобами” в виде корешков, трав, амулетов. Знахарь узнает “напушшенное” и может отводить это “напушшенное”. Нужно заметить, что как знахарю, так и знахарке не всегда приписывается колдовство, проистекающее от знакомства с дьявольщиною. Колдун и колдунья, или еретник и еретница, – это личности, стоящие особняком от знахарства, как профессии знахарей-лекарей. Еретничество облачается в чародейство, являющееся результатом знакомства с дьявольщиною. Знахарь-лекарь – свой брат, хотя, таки, некоторых и не мешает побаиваться» [Васнецов 1907: 90].

Подобный подход видим и у Д.К.Зеленина, который считает, что колдуны «в противоположность ведьмам и вампирам, не являются нечистой силой», они лишь пользуются помощью различных представителей нечистой силы, и категорически отграничивает знахарей от колдунов:

«Знахарь – это не колдун. Ему известны только заговоры и целебные травы, и он выполняет главным образом функции врача. С последствиями колдовства он борется с помощью заговоров и оберегов. Никаких связей с нечистой силой у него нет» [Зеленин 1991: 423].

Похожий взгляд представлен и в диссертации Г.В.Медведевой «Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири (структура и содержание образов, ареалы и семантика именований)» [Медведева 1997]. По ее мнению, знахарь и колдун являются дифференциальными типами, которые предстают в традиционной культуре как сфера реализации двойственных противоположных начал: человеческий / нечеловеческий, вредоносный / добродетельный, полноценный / ущербный, гарантированный/опасный, идеальный тип поведения / антиповедение и др.

Разграничивает ведьм, колдунов и знахарей и этнолингвистический словарь «Славянские древности»: ведьма – персонаж низшей мифологии, сочетающий черты реальной женщины и демона [СД 1: 297], колдун определяется как «персонаж низшей славянской мифологии, представляющий из себя реального человека с демоническими свойствами, полученными от рождения или в результате заключения договора с нечистой силой» [СД 2: 347], знахарь, знахарка – «человек, обладающий сверхъестественным, магическим знанием и использующий его для лечения людей и скота, охраны от колдовства, отвращения градовых туч, прорицания судьбы» [СД 2: 598].

В истории отечественной науки одним из первых поставил вопрос о роли колдунов, ведьм и знахарей в крестьянской среде, а также положил начало другой традиции – неразличения ведьм, колдунов, знахарей и знахарок – А.Н.Афанасьев в статье 1851 г. «Ведун и ведьма». По его мнению, в древности «ведун и ведьма имели благое *чистое* значение», которое в современности значительно утеряно под влиянием христианства, и лишь ворожей и лекарок сохранили прежнее значение ведьмы. Подобная реконструкция языческих верований во многом основана на этимологических соображениях: *ведун* и *ведьма*, *ведовство* происходят от глагола *ведать*, а синонимические *знахарь* и *знахарка* – от глагола *знать*, в их основе лежат «понятия родственные, которые в язычестве имели смысл чисто религиозный, именно понятия: таинственного, сверхъестественного знания, предведения, предвещаний, гаданий, хитрости или ума, красной и мудрой речи, чарований, жертвоприношений, очищений, суда и правды и, наконец, враче-

вания, которое сливалось в язычестве с очищениями» [Афанасьев 1996: 91].

Позиция Афанасьева поддерживается многими исследователями и в наше время. Глава книги А.В.Никитиной «Русская демонология» носит название «Колдуны, ведьмы и знахари»; по ее мнению, разграничение знающих на добрых и злых не должно считаться исходным, так как «для народного сознания естественно ставить определение того, с кем имеешь дело – с добрым или со злым знающим – от того, на какие нужды направляет он свой дар» [Никитина 2006: 261].

Е.Е.Левкиевская в книге «Мифы русского народа» объединяет *ведьм, колдунов, знахарей, волколаков, кликуш* в разделе «Люди-полудемоны»: «Существует немало поверий о людях, которые, получив вольно или невольно магические знания, вступают в контакт с демонами и с их помощью влияют на природу, стихии и атмосферные явления, урожай, здоровье и плодovitость людей и животных. Это ведьмы, колдуны, знахари, оборотни, бесноватые, порченые. Все они обладают даром провидения и оборотничества. Свои способности они могут использовать как во благо, так и во вред окружающим» [Левкиевская 2005: 357].

В конечном счете, вопрос разграничения колдунов, ведьм, знахарей связан с более сложной проблемой, стоящей перед исследователями, – проблемой выработки научной терминологии для описания мифологических текстов. Несмотря на возрождение после достаточно долгого перерыва интереса фольклористов к этой теме, наблюдавшегося в последние десятилетия, появление нового направления в языкознании, сфокусированного на проблеме связи языка и традиционной культуры, – этнолингвистики – и множества публикаций (см. список работ в [Виноградова 2000; Криничная 2004; Антчак 2005 и др.]), данная проблема остается нерешенной.

Используемые в фольклорно-этнографической литературе наименования «мифическое существо», «нечистая сила», «дух», «демон», относящиеся к нереальным существам, и классифицирующее определение «полудемоническое существо», используемое для обозначения живых людей, связанных со сферой сверхъестественного (*ведьмы, колдуны, знахари* и пр.), оставляет за пределами как целый ряд мифологических персонажей, стоящих между двумя этими полюсами, так и реальных людей, несколько не дотягивающих до статуса «демонических существ», но обладающих в некоторых случаях сверхъестественными способностями [Виноградова 2000: 14–15].

Новый подход к анализу мифологического текста предложен в диссертации Е.Е.Лев-

киевской «Востоочнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика». Единицей мифологического текста, по мнению автора, является не только мифологический персонаж – в традиции Московской этнолингвистической школы «пучок релевантных признаков и функций, скрепленных именем, при этом имя персонажа признается той доминантой, которая обуславливает устойчивость функций и признаков», – но и мифологическая функция – «маркированное и устойчиво сохраняющееся в традиции действие персонажа, наделенное определенным значением» [Левкиевская 2007: 5].

В ряде работ можно встретить общее наименование для различного рода мифологических персонажей и реальных людей, позволяющее избежать указания на направление деятельности, которое закреплено в сознании за словами *колдун* и *знахарь*, а также сделать акцент на обладании неким сверхъестественным знанием / силой – «знающий». Оно активно используется фольклористами, этнолингвистами, этнографами, антропологами и тем самым закрепляется как термин: например, в словаре «Славянские древности» читаем: «обладание магическим знанием ставит фигуру знахаря и знахарки в один ряд с другими “знающими” людьми, прежде всего колдуном и ведьмой» [СД 2: 347]; «часто демоническими признаками наделяются в мифологических верованиях так называемые “знающие” люди (пастухи, кузнецы, мельники, пчеловоды, гончары, музыканты и др.), которые якобы обладают неким сверхзнанием, но далеко не всегда “дотягивают” до ранга демонического существа»; «таким образом, связь “знающих” людей с чертом понимается как вид двоедушия, т.е. после смерти человека его душа покидает тело, а демоническая (злой дух) остается и “оживляет” тело умершего, заставляя его ходить среди живых» [Виноградова 2000: 15]; «итак, в классификационной сетке модели мира выделяется класс *знающих*, то есть обладающих особым (сверхъестественным, магическим) знанием. *Знающим* может стать каждый, по своей ли воле, или насильно, или даже случайно. <...> В первую очередь это *профессионалы*. Во-первых, на мифологическом уровне они соответствуют демиургам или тем, кто получил свое умение от боготворца, соответственно остающегося покровителем профессии. Во-вторых, они знают, что такое учение-обучение, знают методику и литературу. <...> Остается вопрос: допустимо и имеет ли смысл причислять *профессионалов (знающих)*, приобретающих сверхъестественные свойства в связи с профессией (благодаря ей, из-за нее) к мифологическим (демонологическим) персонажам?» [Цивьян 2000: 189].

С.Ю.Королева использует термин «знающие» и для описания традиции коми-пермяков: «Они активно обращаются к знахарям, которых здесь называют “знающие”, или “тодись”. Согласно нашим наблюдениям, “знающие” у коми-пермяков не только осуществляют магико-медицинскую практику, но зачастую являются знатоками локальных вариантов календарной и семейно-бытовой обрядности» [Королева 2004], термин используется и в иных этнографических описаниях: «Мать в особом состоянии видит существо, которое является ребенку. Такие существа определяются “опытными в традиции” людьми как духи, которые “ведут” ребенка во время мираченья и делают его знающим, “ведунном”»; «Ведь принадлежность к старшему поколению сама по себе подразумевает особое знание и силу: старикам приписываются способности *сильных, колдунов, знающих*» [Хаккарайнен 2005: 133; 159] и т.п.

Приведенные контексты ярко свидетельствуют о том, что смысловое наполнение термина «знающий» кажется авторам очевидным и не требующим пояснения, однако заметна его неопределенность и употребление в несовпадающих контекстах.

В.К.Антчак выносит термин «знающие» в заглавие диссертации: «“Знающие люди” в традиционной культуре русских» [Антчак 2005]. Согласно его концепции, в категорию «знающих» попадают только колдуны – носители сакрального знания, обладание которым приписывалось также, как правило, специалистам в некоторых сферах (кузнецам, мельникам и т. п.), в деятельности же колдуна магическая составляющая профессионала выражена в концентрированном виде. По его мнению, наличие знания/силы отличает сильных колдунов от других магических специалистов и формирует представление о профессиональной мужской магико-мистической деятельности; женская магия, напротив, всегда носила домашний характер, даже общепризнанные женщины-лекарки отрицали какую-либо связь с сакральным знанием-силой.

Проблему разделения «знающих людей» на колдунов и знахарей В.К.Антчак решает следующим образом: «знахари в русской традиции занимаются исключительно врачеванием. Они могут быть сильными или слабыми в магическом отношении, но отличительным признаком является апелляция к Богу во время обрядовых действий над больным. В случае со знахарской практикой, магико-заклинательные действия сведены к минимуму (шептание молитв, магические действия над телом больного). Колдун же воспринимается в традиционной культуре как человек, занимающийся собственно магической

деятельностью в полном объеме», хотя колдун и может совершать действия, свойственные знахарю [Антчак 2005: 105–106].

В текстах мифологических рассказов *знающих, знающий*, прич. и прил., в составе сочетаний *знающий человек (бабушка), знающие люди*, субстантивированные *знающий, знающая, знающие* встречаются достаточно часто. Проанализируем семантику этих единиц на материале, ограниченном территорией пермских говоров.

Слово *знающий* широко употребляется и в прямом значении, которое знает литературный язык, ‘обладающий достаточными или большими знаниями, знающий’: *Баба-то у меня знающая была. Всё по дому знала. Домовая баба, что сказать* (Лидино Окт.) [СРГЮП 1: 243]; *Че я знаю – ночью родилась, спрашивайте у знающих* (Букреева Юрл.) [СРГКПО: 211]; *Да ты, видать, много знающий* [КАС]; *Знающих людей только надо взять с собой, чтоб хороший купить* [карманный приемник] [КАС]; *Они всё же знающие* [врачи] [КАС].

В подавляющем большинстве мифологических текстов под «знающими» подразумеваются колдуны: *Если б я был колдун, то про меня бы сказали, что вот мол знающий человек* [КАС]; *У нас их много. Колдуны, еретники, знающие их называют. Враги это, самые последние люди* (Покча Черд.) [КСМЛПК]. При этом в тексте часто есть прямое указание на их вредоносное воздействие на здоровье людей: *Я слыхала, что говорят, колдун. Ки-то знающие люди кров заговаривают. Человек, видимо, это, болеет. И врачи ничё не признают* (Рябинино Черд.) [КСМЛПК]; *Он знающий, отлишил меня, хворала долго* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 173]; *Знающими у нас тех зовут, которые килу напускают или другую порчу* (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 331]; *Знающий может болезнь на вас нагнуть, испортить* (Покча Черд.) [СРГСПК 1: 118]; *Дековаться – это не просто издеваться, а килы насылать, всякие болезни. Вот она знающие и декуются над народом-то, наводят на них порчу всякую* (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 206] или животных: *Знающие молоко закроют, корову испортят, не дойная станет* (Мухоморка Юрл.) [СРГКПО: 102]. Также «знающим» приписывается типичный для славянских представлений о ведьмах мотив «отбирания» молока: *Вот в Великий четверг знающие люди молоко у коров отнимают* (Гадья Черд.) [КСМЛПК].

Ряд текстов описывает обряд получения сакральных знаний «знающими», при этом часто встречающийся локус – баня, знание может быть получено человеком от мифического животного: *А вот этих еретников, их тоже в бане учат. Подружка, вот у нас жили, дак она дружила с*

одной, а они знающие. И вот она говорит: «Манька, хочешь я тебя колдовать научу?» – «А как?» – «А вот пойдём, – говорит, – в баню, и в каменке будет сидеть собака, она откроет, – говорит, – рот, и ты туда залезай». Ну, испугалась. Пришла домой, матери рассказала. Мама, говорит, меня натискала за космы. И больше ты к ей не пойдешь ни разу. Вот тебе и научилась (Краснояр Куед.) [КСМЛПК]; Большая собака сидела в каменнице [в бане]. Надо было через иё пасть проходить им дак. Вот научиваются люди-то знаюшшые. Много эть колдунов-то (Нырб Черд.) [КСМЛПК]. Этот мотив обусловлен тем, что в традиционной культуре знание представлялось, во-первых, чем-то внешним и, во-вторых, вещественным, конкретным, поэтому «оно может быть приобретено (добыто) и, наоборот, утрачено (отторгнуто от носителя). Обретение знания – физиологический процесс, ближайшим аналогом которого является потребление пищи и напитков» [Байбурин 1998: 494].

Встречаются тексты, где «знающими» называют колдунов-оборотней: Колдуны умеют оборот делать. У нас в деревне вот такой человек был, видно, знающий. Сестра моя за такого и вышла. Она боронила на поле. Вдруг муж у неё скрылся куда. Выходит волком. И чуть свою жену с ума не свёл. Потом как она закричала, на огород полезла. И он обратно в лес, и вышел человеком. Был знающим — переворачивался. Если кто-нибудь эту одёжу украл у него, где он снял, всё, он волком бы и остался (Плёсо Гайн.) [КСМЛПК]. «Знающим» также может быть назван колдун на свадьбе, деятельность которого может быть направлена как во благо молодоженов и свадебжан, так и в случае ссоры с колдуном – во вред: Знающего специального на свадьбу приглашали. Он всех лошадей перед дорогой похлопает по холкам (Караг.) [Подюков: 64], Раньше де люди знающие были, свадьбу трубой могли отпустить, ну, вот, кого не пригласят, не угостят, вот они свадьбу-то всю волками и выпустят (Дубровка Юрл.) [СРГКПО: 174].

Встречаются записи, где «знающими» называют деревенских профессионалов, обладающих сверхъестественным знанием/силой, знающихся с нечистой силой пастухов: Вот такие-то раньше пастухи знающие были. Вот запрут где-ко коров, и коровы домой не идут. Люди видят, а хозяин не может найти. И много таких случаев не так давно было (Усть-Уролка Черд.) [Былички и бывальщины 1991: 361]; Вот которой пастух-от у нас был, знаюшшый-то, дак его, наверно, банники и задавили (Бондюг Черд.) [КСМЛПК]; Вот раньше у коров молоко терялось. Вот такие раньше пастухи знающие были (Усть-Уролка Черд.) [КСМЛПК]; плотников:

Кто-то плотники дом строили, и им плохо оплатили, артели. А один знающий был – и посадил хозяевам кикимору. Она такие чудеса делала – корчаги с печи полетят, у лошади гриву спутат. Корова, лошадь потные, в пене (Лобаново Перм.) [СРГЮП 1: 383].

Единичный контекст указывает на значение ‘женщина, умеющая помогать при родах, повитуха’: У нас баушить [принимать роды] ходили только старые женщины, знающие (Ленск Кунг.) [СРГЮП 1: 45]. В данном случае можно предположить, что лексема знающий употреблена в прямом значении – ‘обладающий знаниями, умениями’, так как знания о проведении родов и уходе за новорожденным лежат в сфере обыденного, однако это знание специализированное, поэтому в традиционной культуре деятельность повитух могла демонизироваться, ср.: У одного мужика жена в положении была. Раз пришел у ей муж выпивши, и спать все легли. Вдруг заходят две старушки, одна другой говорит: «Давай ребёнка достанем, краюху хлеба положим». Другая: «Головёнку засунем». Мужик-то проснулся, соскочил, давай всех будить. Одну-то бабу он узнал – она ходила детей принимать (Б. Кусты Куед.) [КСМЛПК].

Судя по материалам, круг магических «знающих» специалистов несводим к представленному преимущественно в традиции Русского Севера сильному колдуну и даже не исчерпывается включением в эту категорию деревенских профессионалов, встречаются многочисленные тексты, где «знающей» является женщина-колдунья: Она передать должна была всё колдовство-то, а некому было, Бог-то её и не пускал туда с грузом-то. Ещё ведь если знающего ломат шибко, конёк на крыше разбирают (Андреево Киш.) [СРГЮП 1: 204]; Перву бабу бросил, другу взял. Перва вся вывелась, вялая стала. Женшшьяна знаюшша была, дурь пустила. В нижней рубашке за километр прибежала (Тиуново Гайн.) [КСМЛПК]; Дак вот ить где-ко такие уж люди есь знающие. Вот не залюбят человека и едят его. А называют колдуньи ки-ко (Жикина Черд.) [КСРГСПК].

В некоторых контекстах «знающими» называют людей, владеющих приемами любовной магии: Когда покойника моют, мыло не выкидывают, берут знающие, чтобы привораживать (Орел Усол.) [КСМЛПК]; Махлушки – это как присушивают. Поговорят знающие бабушки, и пристают один человек к другому (Чердын) [КСМЛПК]; Бабушка знаюшша напоит вкрадце жениха и невесту наговоренной водичкой, чтобы лучшие жили (Крюково Ел.) [СРГЮП 1: 126].

Ряд текстов позволяет четко опознать в «знающем» знахаря, лекаря, при этом во многих

из них есть указание на использование в процессе лечения магических приемов: *Баушки – лекарки знаюшшые* (Пянтег Черд.) [СРГСПК 1: 69]; *Вот собачья старость была раньше. Надо было с этой болезнью ребенка к знающей нести. Она калачик состряпает большой, чтобы ребёнок пролез, испечёт его. Баню истопит три раза, а потом в калачик ребёнка проденет и этот калачик собакам скормит* (Гунино Усол.) [КСМЛПК]; *Может, только знающие, молитвенные старухи могут вывести порчу* (Городище Сол.) [СРГСПК 1: 304]; *К знающим людям обращалась, у трёх бабок лечилась. Чтобы порчу вывести, надо обязательно у трёх бабок побывать* (Купчик Черд.) [СРГСПК 1: 304]; *Поставят килу, надо идти к знающей бабушке, отговор чтоб прочитала* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 187]; *Раньше знающие старушки лечили, как-то роптали. Старуха поропчет раза два на ребёнка, у него всё-всё пройдёт* (Дуброво Ел.) [СПГ 2: 298]. Также во благо людей используется дар «знающих» видеть прошлое и будущее: *Икотницы которые знающие. Корова потеряется, к икотнице идут, икотка сказывают* (Они Юсьв.) [СРГКПО: 113].

Несоотносимость категории «знающих» с привычным для носителей литературного языка делением на колдунов и знахарей подчеркивается диалектоносителями: *Знающие люди и сейчас есть. Они есть, которые хорошие люди. Хорошие, плохие люди, злые. Хорошие, они тебе и судьбу предскажут, и всё. А плохие люди, они могут тебя испортить, наколдовать на тебя. Вот такие люди. Они сейчас есть* (Вильва Солик.) [КСМЛПК]; *А хозяйка-то старушка знающая, она на все статьи знает – испортить и вылечить* (Тюлькино Сол.) [СПГ 2: 398]. Следовательно, «знающий» – это человек, обладающий магическими способностями, как умеющий насылать порчу, так и умеющий ее вылечить. Некоторые контексты не позволяют идентифицировать «знающего» как колдуна или знахаря, а указывают на человека, владеющего неким магическим знанием: *У нас тут вот был мужик знающий. Так, каки-то-от слова знает, видно* (Жикина Черд.) [КСРГСПК].

На уровне языкового выражения круг «знающих» достаточно сложно очертить: в него входят как сильные колдуны (и реже колдуньи), получившие свое сверхъестественное знание/силу либо по наследству, либо в результате проведения обряда посвящения/передачи магических знаний, вредящие людям и животным; колдуны и колдуньи-оборотни, сближающиеся по функциям с ведьмами; колдуны на свадьбах, могущие как насылать порчу на свадебжан или превратить их в волков, так и оберегающие свадебный поезд и

молодых от действий других колдунов; деревенские «профессионалы» – пастухи, мельники, плотники, повитухи, знающие приемы любовной магии; люди, умеющие определить порчу и вылечить от нее; различного рода лекари и предсказатели. Таким образом, «знающие» – это люди, владеющие неким магическим знанием, которое невозможно однозначно отнести к доброносному и вредоносному; «знающими» являются как люди-полудемоны, связанные со сферой сверхъестественного, так и обладающие некими способностями, знаниями обычные люди, не наделяемые демоническими свойствами.

Исследуемое значение диалектных слов *знающий, знающий*, субстантивированных прич. *знающий, знающая*, сочетаний *знающий человек* (*бабушка* и т.п.) находится в тесной связи с прямым значением ‘обладающий достаточными или большими знаниями, знающий’, однако реализуемое в приведенных контекстах значение достаточно сложно сформулировать. Словари трактуют его как ‘колдун; человек, изводящий порчу’ [СПГ 1: 331], что, на наш взгляд, не исчерпывает всего спектра проанализированных выше значений, где реализуется более широкое значение – ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием’.

Подобная неопределенность, амбивалентность значения свойственна и мотивирующему глаголу *знать*. И.И.Русинова на материале северных пермских говоров рассматривает семантику лексических единиц, включающих глаголы *знать, знать*: *знать, знать слова (бесей, добро, заговоры, колдовство, колдунов, махлушки, молитвы, отговоры, привязывать, к худу, чертей); знать с лешим (с бесом (бесями), с дедушкой, с лесным хозяином, с нечистым (духом), с окаянным, с сатаной, с чертом)*, определяя их значение как ‘обладание сверхъестественной силой (знанием)’. Некоторые из этих единиц, по мнению И.И.Русиновой, обозначают «действия общего характера, то есть не указывают на его вредоносную или доброносную направленность. Это глагол *знать* и словосочетание *знать слова*». Другие единицы имеют дифференциальную сему, указывающую на направление магической деятельности. Значением ‘обладать сверхъестественным знанием с целью доброносного воздействия на людей и животных’ обладают единицы *знать добро, знать молитвы*. Еще одна группа лексических единиц с глаголами *знать* и *знать* имеют противоположную дифференциальную сему и приобретают значение ‘обладать сверхъестественным знанием с целью вредоносного воздействия на людей и животных’: *знать чертей (бесей, к худу); знать с лешим (с лесным хозяином, с сатаной, с бесом (бесями), с*

нечистым (духом), с окаянным) [Русинова 2009: 26].

Некое сверхзнание человек получает от нечистой силы, и обладатель этого знания может использовать его как во благо, так и во вред человеку. «Эти особенности семантики глаголов *знать, знать* сообщают амбивалентность значению образованных от них единиц, обозначающих человека, обладающего магическим знанием», т.е. способность в разных контекстах передавать антонимичные значения. И именно амбивалентность, неопределенность семантики глагола вынуждает его употреблять со словами, уточняющими направление магической деятельности, что является причиной появления в диалектной речи сочетаний различной степени устойчивости [Русинова 2010: 74–76].

Однако существуют маркеры «вредоносности» персонажа. Ими можно считать присутствие в его названии корней *бес-* и *черт-*. Например, в пермских говорах функционирует множество единиц подобного рода: *бесист, бесистый, бесастый, бесистый человек (старик и под.), бесастый человек (старик и под.), чертист, чертистка, чертистый, чертистый человек (женщина, старуха и под.), чертознай, чертызнай* [Русинова 2011: 16–17].

Отношение к знанию в народной традиции по ряду параметров отличается от отношения к знанию в современной городской культуре. С.М.Толстая пишет об этом так: «Эти отличия касаются как содержания концепта знания и его “свойств”, так и “факта” знания (обладания знанием). Прежде всего обращает на себя внимание иное по сравнению с «элитарным» типом культуры соотношение эмпирического (профанного) и сакрального знания: в народных представлениях роль второго неизмеримо выше, однако в сфере сакрального знания включается не только (и не столько) божественное озарение, но в первую очередь «тайное» знание, источник которого мыслится как иномирный, сверхъестественный» [Толстая 2000: 236].

В народной культуре четко прослеживается противопоставление профанного знания (знания, известного каждому члену общины) и знания сакрального, которое доступно немногим. Последнее почти всегда осмысливается как потенциально опасное для человека: *Всё бы знахарки были на свете, людей не было бы – всё знали* [КАС]. Таким образом, перед нами складывается мировоззренческая позиция: любой, кто обладает знаниями большими или иными, чем у остальных, является «знающим» – противопоставленным своим, т.е. не-своим, чужим, соответственно соприкасающимся с «иным» миром, общающимся с иным миром, человеком опасным, обладаю-

щим сверхъестественными способностями и силой управлять людьми и животными, насыщать болезни и лечить их. В говорах семантика подобных единиц неопределенна, «знающим» в подобной системе может быть практически любой человек, мыслящийся как обладающий большими, чем говорящий, знаниями; она отражает базовое для традиционной культуры деление «свой – чужой» (*знающий* – чужой и всегда опасный).

Оппозиция обычные люди – «знающие», характерная для народного сознания, является базовой, стоящей над делением на колдунов, знахарей, ведьм и т.п. Однако использовать термин «знающий» в научной литературе, на наш взгляд, стоит с обязательной трактовкой и уточнением, в каком значении он употреблен.

Примечание

¹ Работа выполнена при поддержке гранта АВЦП РНП «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» № 2.1.3/11793.

Список литературы

- Антчак В.К.* «Знающие люди» в традиционной культуре русских: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2005. 177 с.
- Афанасьев А.Н.* Ведун и ведьма // Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М.: Индрик, 1996. С.45–85.
- Байбурун А.К.* Чудесное знание и чудесное рождение // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1998. С.494–499.
- БАС – Большой академический словарь русского языка. Т.1–13. М., СПб.: Наука, 2004–2009.
- Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Шумов.* Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 410 с.
- Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка: Изд. Губ. статист. ком., 1907. 357 с. (Репринт. изд. – Киров, 1995).
- Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 382 с.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- КАС – картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области».
- Королева С.Ю.* «Знающий» в современной коми-пермяцкой деревне // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. М., 2004. Вып.6. URL:

<http://www.ruthenia.ru/folklore/koroleva1.htm> (дата обращения: 30.08.2011).

КСМЛПК – Картоoteca «Словаря мифологической и магической лексики Пермского края», составленного И.И.Русиновой, О.И.Васневой, А.В.Черных, К.Э.Шумовым.

Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 47 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ОАО «Люкс», 2005. 366 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 530 с.

Медведева Г.В. Колдун, знахарь в русских мифологических рассказах, представлениях Восточной Сибири (Структура и содержание образов. Ареалы и семантика именованных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. 25 с.

Никитина А.В. Русская демонология. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 400 с.

Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т.А.Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 639 с.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь: свадебная терминология Северного Прикамья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.

Русинова И.И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вест. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып.4. С.25–32.

Русинова И.И. Об амбивалентности семантики магической лексики (на примере названий колдуна, знахаря в русских говорах) // Лингвокультурное пространство Пермского края: мате-

риалы и исслед. / Перм. ун-т. Пермь. 2010. Вып. 2. С.64–80.

Русинова И.И. Вербализация представлений и связи колдуна с нечистой силой // Вест. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.2. С.15–23.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. М.: Междунар. отн., 1995. Т.1. 584 с.; 1999. Т.2. 704 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1–2 / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н.Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И.Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1 (Абалтус – Кычига) / под ред. И.А.Подюкова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.

Толстая С.М. Опасность знания (из народной гносеологии) // Слово в тексте и словаре: сб. к 70-летию акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Языки рус. культуры, 2000. С.236–242.

Хаккарайнен М.В. Локальные представления о болезнях и лечении (поселок Марково, Чукогта): дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2005. 210 с.

Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С.177–192.

Чулков М. Абевега русских суеверий. М., 1786. 326 с.

Юдин М.А. Ведьмы // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1980. Т.1. С.226–227.

SEMANTICS OF THE LEXEME *ZNAYUSHCHIY* IN THE DIALECTS OF PERM KRAI

Julia A. Shkuratok

Post-graduate Student of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University

The article addresses the issue of distinguishing sorcerers, witch doctors, witches and the like in scientific literature as well as the semantics of the frequently used to withdraw the opposition “sorcerer – witch doctor” dialectal words *znayushchiy*, *znayuchiy*, substantivised participles *znayushchiy*, *znayushchaya*, phrases *znayushchiy chelovek*, *znayushchaya babushka* etc. The semantics of such units in the dialects of the Perm Krai is very ambiguous and ambivalent, because the term *znayushchiy* can be used to denote anyone who holds a profounder knowledge than others in society. The semantics of such word is a basis for the traditional culture opposition “Familiar-Alien”.

Key words: dialects of the Russian language in Perm Krai; vocabulary of witchcraft; semantics; sorcerers; witch doctors.